

Елена Соколова

Поэзия

Том 1. "В моём саду прекрасном..."

Елена Соколова

**Поэзия. Том 1. «В моём
саду прекрасном...»**

«Издательские решения»

Соколова Е. Л.

Поэзия. Том 1. «В моём саду прекрасном...» /
Е. Л. Соколова — «Издательские решения»,

Пятая книга киевского автора Елены Львовны Соколовой. Охватывает определённый период её поэтического творчества. Философская, любовная, гражданская лирика. Жизнь — штука непростая. Но рано или поздно всё встанет на круги своя. И добро, любовь, красота спасут-таки мир. Так считает поэтесса и заставляет в это верить своего читателя.

Содержание

«Была такою, как была. И подлостей не замечала»	7
Молитва	7
«А если всё забыть?»	8
Анатомия любви	9
«Ангелы, демоны рядом летают —...»	11
«Ах, милый, милый!»	12
«Была такою, как была...»	13
«В далёкой стране мусульманской...»	14
«В моём саду прекрасном...»	15
«В туман былого юность отошла...»	17
«Верить или не верить?»	18
Взросление	19
«Взять человека и убить...»	20
«Воздыхания... Лобызания...»	21
«Войдя с восхищением в цветущую рощу...»	22
«Воскресенье вербное...»	24
Восточный рынок	25
Амазонки	27
«Идут года, бегут минуты...»	30
«Глупые люди, жалкие люди...»	31
«Гулко звякнул судьбы моей колокол...»	32
«Грустная, нежная песня апреля...»	33
Моей земле	34
Думы	35
«Живописное лето...»	36
Любить врагов	39
День Победы	40
«За окном – прекрасный вид...»	41
«Напрасно, и грустно, и глупо...»	42
«И ещё раз, но много уверенней...»	43
«Изобличая и кляня...»	44
Ироническое	46
«Как жалки вы бываете, смешны...»	47
«Как ласковая пористая пена...»	48
«Когда близ моря славная погода —...»	49
Коле	50
Сопернице	52
«От подхалимов коробит...»	53
«Кто знает, что такое кровь?»	54
«Голубые иголки у ёлочки...»	55
«Кто управляет нами так жёстко и неумолимо?»	56
«Купальская ночь завораживает...»	57
«Люби и не сопротивляйся...»	58
«Любовь – это, когда срывает крышу?»	59
«Любовь иль страсть была... Не знаю...»	60
«Маленькие, злые люди...»	61

Коррида	62
«Мне не хочется пить вино...»	63
Моей бедной Родине Украине	64
Мольберт для воспоминаний	65
Море	66
«Мы простились, расставаясь...»	67
«Насвистывал нам песни соловей...»	68
«– Не дари мне кувшинки, ведь это к разлуке!»	69
Некоторым друзьям	70
«О, Господи! Ну, научи меня...»	71
О старом по-новому	72
Образ жизни	73
Образы	74
Одиночество	75
«Опустился вечер на горы...»	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Поэзия
Том 1. "В моём саду прекрасном..."
Елена Соколова

© Елена Соколова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Была такою, как была. И подлостей не замечала» 2012—2015

Молитва

За всё, Господь, тебя благодарю:
За слёзы, за печаль и за удачу.
Я с чистой совестью назад смотрю.
Я не хотела бы прожить иначе.

Ты щедро наградил меня, с лихвой
Умом, здоровьем, красотой, пылом...
Теперь могу ли спорить я с тобой
О том, что не случилось или было?

Безжалостно по жизни брэнной шла
Повадкой кошки, нежной и опасной.
И многих оттолкнула сгоряча
Друзей достойных. Может быть, напрасно...

И разрушала то, что всех и вся милей,
И не прощала ни обид и ни улыбок.
*И много было пройдено путей,
И много было сделано ошибок...*

Но стоит ли об этом горевать?
На свежем пепелище хлеб не сеять.
Успев кровавые повязки завязать,
Прочь уходила, что бы грусть развеять.

Мужчин карала только лишь за то,
Что не могли ни взять, ни дотянуться.
И крылось в этой женственности зло —
Ведь уходя, полезно оглянуться.

Я всё-таки люблю тебя, мой Бог,
За то, что ты любимицею выбрал
Меня. Прощал, вёл и тащил, а ведь бы мог
Изгнать с Земли (другую б точно выгнал).

За то, что молодость не сжёг в страстей огне.
И пусть прольётся мёдом с моих уст:
Благодарю! По-прежнему во мне
И буйство глаз, и половодье чувств!

«А если всё забыть?»

А если всё забыть?
Начать сначала
И слов не говорить?
Одних глаз мало?

Но просятся слова
Возмездья, мести.
Что ж... Им благодаря
Не будем вместе.

Анатомия любви

Где ты затерялась, любовь моя?
Что отпугнуло твой взор от меня?

Чем провинилась я перед тобой?
Почувствую снова ли зов ночной?

Ночной ли дневной – в том разницы нет,
Мне б только спастись тобою от бед,

От страха, предчувствий, мыслей дурных,
Что роем гнездятся в местах пустых,

В местах головы, живота, груди —
В местах, опустевших после любви,

Что гордо, взяв радость и смех, ушла
От мести и слёз, неверия зла.

Таинственно скрылась, сказав: «Привет!
Для вольных и трезвых меня здесь нет!

Такие, как ты, всегда с головой —
Я там, где безумцы живут душой:

Душа, а не скучный верный расчёт,
Наивною страстью к себе влечёт.

Душа не боится страданий мук —
Болеет, когда ровный сердца стук.

Таким же, как ты – меня не понять,
Я с теми, кто может верить и ждать.

Я не субъект знаний точных наук —
Верю лишь в логику любящих рук».

Сказала ей жёстко: «Злая любовь!
Ты травмишь и портишь чистую кровь,

Дыханья сбиваешь ровный поток,
Жалеешь дать лёгким свежий глоток.

Итак, для здоровья ты страшный враг.
Связаться с тобой – сделать в пропасть шаг.

Забросить работу, деньги, дела —
Какой же я глупой с тобой была!»

Смолчала любовь, придумала месть:
Прислала коварно добрую весть.

Меня, заманив в тёплый южный край,
Заставила верить, грешную, в рай.

Нарядную, смелую в плен взяла,
Подстроив там встречу, что обожгла.

Внезапный удар угадала точно —
Попала огнём прямо в позвоночник...

«Ангелы, демоны рядом летают —...»

Ангелы, демоны рядом летают —
Мошны, невидимы днём или ночью.
Дом им – эфирная гладь голубая,
Воздух рвут быстрыми взлётами в клочья.

Не подчиняются догмам, законам,
Что человек на Земле сам придумал.
Делят миры и пространства по зонам,
Мысли, желанья, поступки – по суммам:

Строго порок от добра отделяют,
Херем не страшен им – неумолимы!
Часто отдельно, но могут и стаяй
Здесь над Землёю вершить справедливость.

Строгую сущность их не понимая,
Духов мы все суеверно боимся.
Только молитва от них помогает:
К Богу взываем и просим. Крестимся.

Так потихоньку свой рок выправляя,
Силами неба к тому принудимы,
Каждой из жизней грехи искупая,
Крест свой влачим здесь, судьбою тащимы.

1

¹ Херем (ивр. חרם) – высшая мера осуждения в еврейской общине. В более старом понимании слово значит «запрет» на что-либо по причине драгоценности, святости, или причине порочности, зла. Родственные термины в других языках семитской семьи включают арабское слово #aḡām (харам), означающее «запретный» (отсюда происходит слово «гарем»), и эфиопское ḥītm, означающее «проклятый».

«Ах, милый, милый!»

Ах, милый, милый!
Как время пролетело!
Ещё вчера мы были счастливы с тобой!
Тебя любила.
Душа, дрожа, болела...
Ты оказался не героем, а свиньёй.

Моих волнений,
Слёз горьких и печалей
Ты не заслуживал, красавчик, ни на грамм.
Твоих вложений,
С письмом что выплывали,
Теперь не нужно мне. Используй **Instagram**,

Общаясь с теми,
Кто, мил, тебя не знает —
На яркие, дешёвые эффекты слаб.
Свои проблемы
Дарю им. Не больная
Тобою более. Жуй свой люля-кебаб!

«Была такою, как была...»

Была такою, как была.
И подлостей не замечала.
Доверчива не в меру? Да.
И время мало что меняло.

Родительский любимый плод,
Целованный не раз богами...
Поверившая в свой полёт
Земли не знала под ногами.

Пришлось немало съесть дерьма,
Пока познала правду жизни...
Но линия всегда пряма
Моей судьбы. Стараюсь я,
Хоть путь мой не безукоризнен.

«В далёкой стране мусульманской...»

В далёкой стране мусульманской,
Где звонко поёт муэдзин,
В шелках нежась на оттоманке,
Смакую роскошество вин.

Но вздрогну, родное услышав:
Стон ветра, иль пение птиц...
И сразу душою возвышусь —
Так чтение древних страниц

Писаний сакральных встревожит
И нас возвернёт берегам,
Где, пусть и среди бездорожий,
Всё ж мило грустящим сердцам.

«В моём саду прекрасном...»

В моём саду прекрасном
Есть множество цветов.
Их сосчитать напрасно
Пытаюсь: жёлт, пунцов...

Тот ярк, тот бледнее...
Оттенками богат,
Я им одна владею —
Великолепный сад!

Цветы – растенья, краски?
Абстрактность? Реализм?
В нём не нужны мне маски,
Отсутствует цинизм

В моём саду чудесном,
Я в нём творю. Мечты
Здесь оживают. Честно
Растут мои цветы

Из мыслей, представлений,
Из образов и дум,
Из ярких впечатлений.
Печален, зол, угрюм —

Никто в мой сад не вхожий.
Здесь я одна царю.
Подчас на цветик схожий
Свой стих я вам дарю.

«В туман былого юность отошла...»

В туман былого юность отошла,
Она и не волнует больше остро.
Ну, разве что, ошибок горький шлак
Напомнит грубо о себе и просто

Подчас... Но самобичеванию: – Нет! —
Отвечу я решительно и строго.
В жизнь устремлюсь, где новый ждёт рассвет,
Любовь, и поводов для счастья много.

«Верить или не верить?»

Верить или не верить?
Инфантильный или фанатик?
В чём состоит критерий?
Меркантилен ли? Благодатен?

Слишком вопрос глобальный.
Нельзя вот так сразу решиться
Кодекс, грызя, моральный
В понятиях определиться.

Вера кому-то даётся,
А кто-то, подобно слепому,
Пробует, пока найдётся
Лекарство тяжелобольному.

Значит, блажен тот, кто верит —
Ангел ли, дух атмосферен
Ему открывает двери,
Даже, когда он растерян...

Вам мнится: бред суеверий?

Взросление

Все мы заложники страстей.
Здесь, в этом мире, точно.
Когда становимся мудрей,
Теряется привязок прочность.

Как хорошо, когда мозги
Крепки, прекрасно тело,
Поскольку к мудрости шаги
Ведут, а древо пожелтело.

Соблазнов победить огонь
Шутя и быть счастливым,
Имея лишь сознания бронь,
Не в этом ли юдоли диво?

«Взять человека и убить...»

Взять человека и убить.
Как просто это и бездарно.
Надеется так победить
Убогость с минусом словарным.

Убогость с минусом души.
Про совесть просто умолкаем.
Кто добротой не грешит,
Тот и раскаянья не знает.

Рассчитывать на Божий суд
Нам, остальным, иль взявшись миром,
Возмездия добиться тут,
Увидев, как наказан ирод?

Симметрию здесь, на Земле
Нечасто видим, к сожаленью...
Подлец становится наглей.
Возмездие мелькает тенью.

«Воздыхания... Лобызания...»

Воздыхания... Лобызания...
Воспевают, как правило, те,
Кто имеет их лишь виртуально,
Позабыв вкус реальных побед.

В мыслях можно раздуть что угодно:
Я и Байрон, и мачо, и Бог;
Только в них как нигде я свободный
И с несмелостью справиться смог!

Но плохого в том всём я не вижу.
Для того и даны нам мечты,
Чтобы к чуду подкрасться поближе,
Расписать маслом счастья холсты.

«Войдя с восхищением в цветущую рощу...»

Войдя с восхищением в цветущую рощу,
Чьи деревья – одни апельсины в цвету,
Где тишь и спокойствие, ветер не ропщет,
Свет солнца не яркий, – всё, словно в раю,

Вдохнула глубоко. И запах чудесный
Проник беспрепятственно в каждую клетку,
В сам мозг существа. Аромат полновесный
Сравним разве только со снегом расцветки

Цветов ослепительных, среди которых
Плоды – померанцы не часто заметны.
Здесь раньше, наверно, гуляли сеньоры,
Меля комплиментов сумбур несусветный

Под действием нежным цветов, их дурмана...
А небо и море – свидетели бездны,
В которую первый попавшийся канул
Влюбленный, пытаясь роптать бесполезно

На эту цветущую рощу – ловушку,
Куда забрести так возможно однажды,
С доверчивой, милою дамой – простушкой,
Что верит в невинность цветка флёрдоранжа.

«Воскресенье вербное...»

Воскресенье вербное,
Накануне Пасхи.

Принесут, наверное,
Нам на крыльях птахи

С песнями весенними
Новые надежды.

Таинства священные —
Пышные одежды!

Восточный рынок

Абрикосы, мандарины,
Апельсины и кокосы...
Ломится восточный рынок,
Продавцы черноволосы.

Воздух сух и пахнет морем.
Вдалеке леса и горы.
Ты, наверно, заговорен
Или просто Богу дорог, —

Так свежо: являться частью
Этого цветного мира,
Наслаждаться южным счастьем!
Дома ждёт, к тому же, лира.

Амазонки

«Вперёд, амазонки,
До Трои дойдём!
Мечом верным, звонким
Там греков побьём!

И сразу с добычей —
К своим городам.
Мы чтим наш обычай
Во славу богам.

Вперёд, амазонки!
Промедлив, умрём.
Запястьем тонким
Рабов приведём

К Эфесу и Смирне, —
Построили их
Для жизни для мирной.
Готовь скаковых!

Труби! Выступаем!
Нас Троя зовёт!
Стена крепостная —
Там грек не пройдёт.

Поможем троянцам,
Бог, нам помоги,
Твои мы посланцы!
Сожжём корабли

Врагов лютых греков.
Закончив войну,
Спешить будем ехать
В Отчизну свою.

Рука Артемиды
Пусть нас сохранит!» —
Шлема-пирамиды —
Не видно ланит

Краснеющих в скачке
Наездниц коней...
Лишь гривы силачек
Да их лошадей...

Под верным копытом
Ложится трава.
Валькирия ляжет
Коль будет мертва —

Не ведает мужа,
Не жаждет любви,
И торс окольчужен
До самой ноги.

«Пусть враг многочислен,
Он должен понять:
Отпор нам бессмыслен
И будет под стать

Жестокости кары.
Готовы признать:
Отвратны нам свары,
Умеем ваять.

Богине Диане
Построили храм.
Вот плод созиданья
На зависть волхвам!

Поставим там свечи
И гимны споём,
Когда после сечи
Домой мы придём», —

Багряное солнце
Готовится ввысь.
Огромное войско —
С галопа – на рысь...

...В боях возле Трои
Фортуна смогла
Свой ход перестроить...
Их кожа смугла,

В запекшейся крови
Доспехи и плоть
Тех женщин. О крове —
Добраться бы хоть —

Мечтают. И вот лишь
Закончился лес
Послышался окрик:
«Пред нами Эфес!»

...Прошло лет немало
С той славной поры.
Могилы весталок
Травой поросли.

Царицу в сраженьи
Убил Ахиллес.
Был в горе, в затмение
Родимый Эфес.

А храм Артемиды
Дурак Герострат
Поджѐг – был завистлив
Он к славе. Вот так

Остался в истории,
Жалкий юнец.
Тут повести этой,
Пожалуй, конец.

«Идут года, бегут минуты...»

Идут года, бегут минуты.
Рассвет – потом всегда закат.
Никто к мгновениям нечуток,
Но любим пятиться назад:

– Вот так бы сделать надо было...
И это был неверный ход... —
Но в нужный миг где то мерило,
Что знает правду наперёд?

– Вы о прошедшем не жалеите, —
Так мудрецы нам говорят, —
Сосуд тоски скорей разбейте,
Что не случилось – не скорбят

О том, – и всё ж, как жаль порою
Тех милых дней, когда любовь
Топила нас страстей волною,
В ней забывали всё. И вновь
Мы были счастливы с тобою.

«Глупые люди, жалкие люди...»

Глупые люди, жалкие люди,
Страшные люди, будет вам, будет!

Будет орать и сражаться за ветер,
Землю и солнце – всем равно светит.

Глупость людская, пусто б ей было,
Всё, что не плохо, и то развалила.

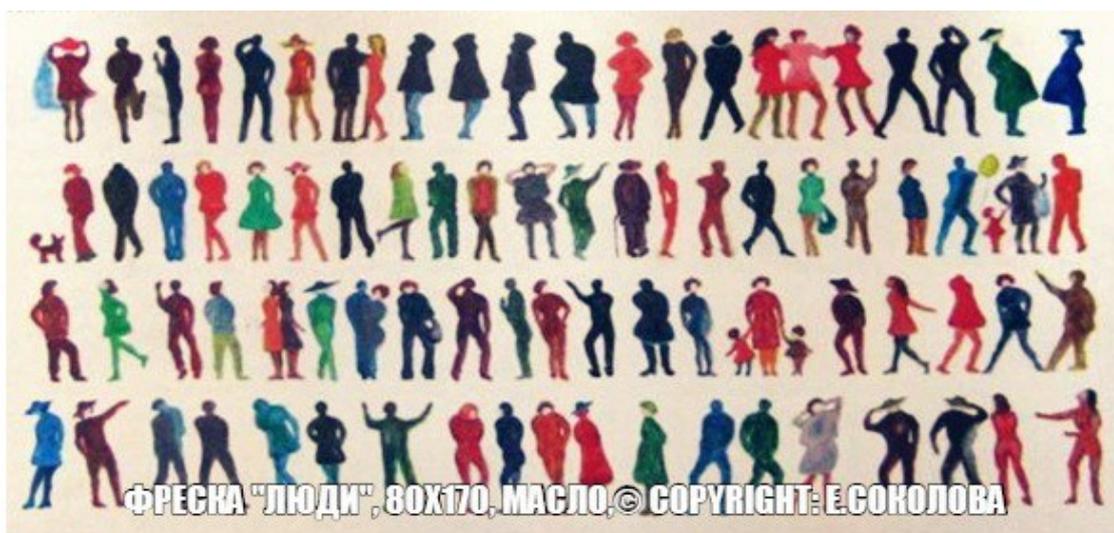
Думала глупость: мир перекроит,
Да оказалось: рушить – не строить.

Прав был великий Будда бесспорно:
Тратить на глупых речи позорно.

Лучше молчать, но не из-за страха
Перед дурными – в клочья рубаха!

Просто не в силах умный ускорить
Времени ритмы, – мир так устроен.

Глупый когда-то до правды доходит,
Но слишком поздно... «И это проходит...»

«Гулко звякнул судьбы моей колокол...»

Гулко звякнул судьбы моей колокол.
Пронеслись, словно птицы, года.
В наковальню бьёт времечко молотом.
Лишь вчера я была молода.

Целоваться могла без оглядки,
Доверяла друзьям и врагам,
Всем чертям наступала на пятки,
Поклонялась родным, как богам.

Просветленье настало внезапно.
– Это старость так рано пришла? —
Беспокойный ум душу царапнул.
– Не волнуйся, – твердят зеркала.

«Грустная, нежная песня апреля...»

Грустная, нежная песня апреля.
Солнце то выглянет, то в облаках.
В небе размыты штрихи акварели.
Воздух трепещется в дымных клубах —

Листья жгут. В каждой усадьбе приборка.
Майские праздники не за горой.
С ближних домов псов весёлая сворка
Греется в поле на травке сухой.

Нега и лень. Так не хочется думать.
В полном доверии к миру живу.
Словно большая вальяжная пума —
Кто-то добавил в питьё сон-траву.

Чую, что отдых случится недолгим,
Всё переменчиво – жизни закон,
И для страстей вновь возникнут предлоги,
Пусть для горячих. Мой нрав закалён.

Моей земле

Дождиком ласковым встретит
Утро, сквозь облачко – солнце.
Вечер закатом приветит
(Света у солнца на донце,

Гаснущего тёмно-красным).
Мирно вокруг. Птицы в гнёздах,
Лишь соловейко пристрастно
Пробует трелями голос.

Пахнет дождём битой пылью,
Травами с луга, жасмином...
Уберегите, святые,
Ангелы, Бог, Украину!

Думы

Думи мої, думи мої. Лихо мені з вами!

Т. Г. Шевченко

Думы – это не только мысли, это нечто,
Что, пронизая душу, мощно взлетает в вечность.

Откуда берутся думы? Из мук? Это точно!
Или из наслаждений? После службы всенощной?

Просто думать все могут. Думы иметь – не каждый.
Может к ним подобраться именно тот, кто страждущ.

Ох, надоела святость! К чёрту послать бы благость!
А законы мирские, как же они мне в тягость!

Рыбку не вытацишь просто, санки тянуть должен...
Да. Кем-то очень строгим закон бытия сложен...

«Живописное лето...»

Живописное лето.
Первозданные чувства.
Мне привиделось это?
Всё – иллюзий искусство?

Ущипни. Я не верю.
Слишком гладко ведь вышло:
Вдруг открылись нам двери.
Стал родным, а был пришлым.

Изумрудное море,
В нём, шипя, догорает
Солнце. На косогоре
Ночь огни зажигает.

Рестораны и бары
Вот-вот ритмом взорвутся.
Мимо кабриолеты
Музыкой отзовутся,

Проносясь безрассудно.
Это счастье, быть может?
Пресловутая трудность
Нас не хочет тревожить.

Да и к бесу опаски!
Мы целуемся в сквере.
Что? Рассудка подсказки?
Только сердцу поверим!

Любить врагов

...любите и врагов своих...

Евангелие от Матфея

Любить врагов своих? Но как?
Вопрос, наверно, простодушный
Для тех, кто ведает из благ
Посредственность одну, – послушно

Рот раскрыв, внимают знаньям
Примитивным только. Что же,
Не дано детей вниманью
Глубины бытия тревожить.

Но их особенно любить
За это должен тот, кто знает:
Дилемма «Быть или не быть?»
Простой для взрослых не бывает.

День Победы

За обильно накрытым столом
(По-украински, чего там только нету)
Восседает отец молодцом
В ордена и все регалии одетый.

Часа два как закончен парад
(Форма лётно-морская так ему к лицу).
К столу гости. Коньяк непочат.
За окном ветер листья треплет деревцу.

Детство, юг Украины, и я —
Девочка с раскрытыми миру глазами —
Все мои живы. Никто не пьян.
Тёплый май испугать нас хочет громами.

Мама с кухни с горячим спешит:
– Ну, давай, наливай, а то всё остынет.
Чинно тост бабуля говорит:
– Не дай, Бог, нас ни войне, ни домовине!

Засмеялись: какая война!
Ты б ещё про голод вспомнила, старушка!
Так была наша вера сильна:
Не случится никакая заварушка!

Все ушли друг за другом туда,
Где ни горя, ни страданий и ни боли.
Только память саднит иногда...
Когда вспомню я семейные застолья...

«За окном – прекрасный вид...»

За окном – прекрасный вид:
Солнце, неба синева.
Рим, Неаполь, иль Мадрид —
Ну, к чему мне новизна?

Гений ли, мудрец сказал:
Уважай то, где ты есть,
Сколько б мест не перебрал —
(Их в уме не перечеть) —

Хочется всегда того,
Чего нет пока в руках.
Не ценя совсем его,
Мы витаем в облаках.

Мы гуляем в небесах...
Мы мечтаем о морях...
Парусах и якорях...
О невиданных краях...

«Напрасно, и грустно, и глупо...»

Напрасно, и грустно, и глупо
На что-то пенять без конца,
Винить всех, уставившись тупо
В небес необъемлемый купол.
Достойно ли это жреца —
Вселенских судов беглеца?

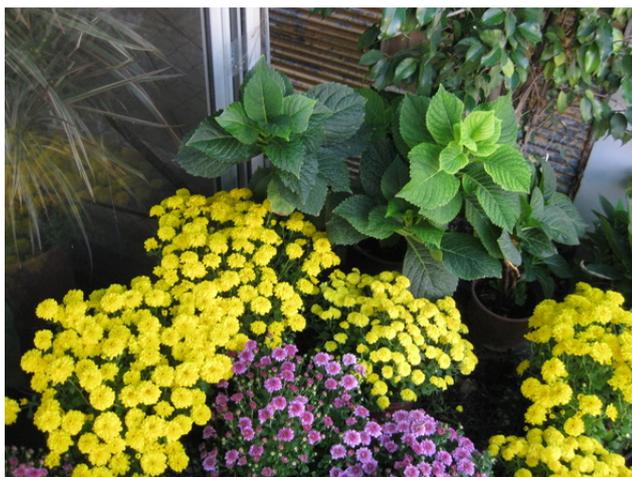
Сквозь тернии к звёздам стремиться,
Невзгоды и муки поправ,
Прощать, воевать и мириться,
Возглавить убогих решиться, —
Вот рок исключительных глав,
Умов – достояний держав!

«И ещё раз, но много уверенней...»

И ещё раз, но много уверенней
Повторю: ни о чём не жалею!
Просто надо стараться быть бережней,
Вечера чтоб в любви лиловели.

И не гнать от себя, если тянется
И в глаза твои преданно смотрит, —
Пусть он будет с тобой. Пусть останется.
Верный друг жизнь никак не испортит.

Миражи и дурман – дело прошлое!
Отгулялось похмелье лихое.
И всё реже оскомой дотошнойю
О себе вдруг напомнит бывшее...

«Изобличая и кляня...»

*...в очах людей читаю я
Страницы злости и порока.*

М. Ю. Лермонтов

Изобличая и кляня,
Я даром радостно гордилась,
Что подарил Всевышний. Зря!
Прямая правда не годилась

Ни в обществе, ни вне его,
Ни на балах, ни на собраниях,
Ни в пик мгновения сего,
Ни вечером, ни утром ранним, —

То есть, нигде и никогда
Никто о правде знать не хочет:
Зачем она? Коль есть всегда
Возможность голову морочить

Иллюзией о том, что ты
Велик, прекрасен и беспечен, —
Имеют свойственность мечты
Действительность скрывать, но вечен

Бывает только правды глас,
И он лъстецами ненавидим.
Соринка? Вырвут вражий глаз!
(В своём – чурбан и тот невидим).

Хвал'ит кукушка петуха,
И он в ответ о ней печётся.
К себе не пустят чужака,
Вдруг правды свет в сарай прольётся?!

Пусть будет он хоть и павлин
(Тем хуже для него, бедняги).
А вдруг язык у птицы длин?
Пером красивым пишет саги

О том, что без него петух
С его кукушкой тайно знают.
В самих надежды свет потух
Давно. Во двор не вылетают.

Но хвалят, хвалят свой сарай...
И пусть бы так! Да не выносят
Чужой (получше, в нём-де рай).
Но иногда зерна там просят.

Павлин враждебность пережил.
Не сыпал пеплом на корону, —

Расправил царский хвост, забыл
Про кур, кукушек и ворону.

Так всех, кто сердцем чист и горд,
Забыть врагов я призываю.
Врагов?
Да, собственно, таких
(Достойных чтоб)
Давно не знаю.

Ироническое

Лёжа с пивом на диване,
Давеча сказал я Мане:

– Выпил бы Байкал я махом,
Да помрёт страна со страху,

Иноземцы затрепешут,
С ними, впрочем, надо б резче!

Пусть боятся, бляха муха!
И сидят в ООНе глухо!

Развернёмся – мать ети —
Им бы ноги унести!

Размечтался чтой-то я.
Эй, плесни-ка! Где края

У стакана, не видать?
Эх... Ядрёна в душу мать...

«Как жалки вы бываете, смешны...»

Как жалки вы бываете, смешны...
Простите, но вы сами виноваты.
Быть лучшими вы вовсе не должны,
Но если получилось, то «Виват!» вам.

И тужиться вам вовсе ни к чему,
И пыжиться не надо. Напрягаться
Бывает нужным только потому,
Что без труда не сможем развиваться.

Соперничать же с нами – это бред!
Ведь знаете, что женщины слабее,
На корабле от нас бывает вред,
А логика? Что может быть смешнее!

Тогда зачем вам щёки надувать,
За первенство сражаться с нами всеу,
И анекдоты острые слагать,
Смекалку выказав свою большую?

Мы вам прощаем горечь неудач
И мелочь вместо денег в день получки,
И глобализм несбыточных задач,
И вечерами странные отлучки.

Прощаем всё, вид делая, что мы
И вправду много-много вас глупее.
Мы вас рожаем. Мы вас – горемык.
А кто детей для женщины роднее?

«Как ласковая пористая пена...»

Как ласковая пористая пена
От грозно набегающей волны
Касалась голых ног моих, так ты
К ним приникал когда-то вожаденно.

Дрожа и суетясь в порыве страстном,
Отбросив ложный стыд, забыв про спесь,
Голодный, хищный, жадный, нищий весь
Просил, настаивал, смотрел опасно...

И ниц упав к ногам смиренно, тихо
Губами трогал пальца ноготок —
Цветка чудного яркий лепесток —
Забыв про всё: про радость и про лихо...

«Когда близ моря славная погода —...»

Когда близ моря славная погода —
Бывает это большей частью года —

От бирюзовой глади не отходишь
И радостно с ума тихонько сходишь.

И возбуждает воздух лёгкий, тёплый,
Очков от солнца не спасают стёкла,

Вокруг цветут деревья белым пьяно...
И чувственно о жизни Челентано

Поёт откуда-то. Осталась малость —
Молиться счастьем, чтобы не кончалось.

Коле

Как давно это было...
Только, кажется, стоит вот-вот захотеть —
Городок детства милый
За окном птичьим щебетом станет звенеть.

Мама строгая в школу
Ранним утром туманным проводит меня.
Опустив глаза долу,
Мимо парня пройду я, что смотрит, любя —

Мальчик самый красивый,
С глубиной небывалою чёрных очей
Вслед глядит мне, стыдливой,
Страсти первой, желанью бессонных ночей.

Глаз оливковых взглядом
Только встречусь с огнём его чёрных маслин,
Как откроют все к ряду
Мирозданья секреты вселенских глубин.

Ничего не случилось.
Только пристальных взоров и встреч колдовство,
Да в груди сильно билось,
Когда в трубке я слышала голос его.

Под родительским оком
Не смогла я раскрыться навстречу ему, —
Папа мой ненароком
Говорил: «Таких мальчиков встретишь ты тьму».

От любви средство – бегство.
Через годы узнала я важный секрет
От подружки из детства:
Этот парень любил меня тысячу лет.

Был повеса, художник
От поклонниц влюблённых проходу не знал,
Но любви безнадёжной,
Самой чистой и первой он не забывал.

И Наташе (подружке)
Сказал:
«Моим детям глаза (цвет оливок,
Так блестящих) – ловушки —
Отдал.

От неё им тогда. В миг счастливый.

Станным кажется это?
Но, увы, счастья в жизни я больше не знал.
Вопреки брака летам
Лишь её я одну половинкой считал...»

Умер в самом расцвете.
И когда я узнала ту тайну о нём,
Стал безвкусен, бесцветен
Мир, который кому-то мы в жертву кладём.

А зачем? Вот дилемма...
Знать бы в юности цену той первой любви
Увенчал диадемой —
Королевы эмблемой —
Это чувство б святое
Всяк и крикнул подростку младому: «Живи!!»

Сопернице

Кольнуло сердце или нет?
Пожалуй, нет. Ну, разве что, чуть-чуть...
Хватило беглых мне примет
Понять, что вы должны друг к другу льнуть.

В его глазах нет той любви,
Какую знала я, любима им,
А ты поджилки разорви —
В нём только сытый привкус уловим.

Да, безысходность есть у вас
Быть вместе. Это ли судьба?
Надолго ль прочности запас?
Сколь рабски будешь угождать!

Не поменяюсь я с тобой
И с облегчением вздохну:
Вам оставаться с суетнёй —
Я ж окна шире распахну.

«От подхалимов коробит...»

От подхалимов коробит.
Терпеть не могу. Ненавижу.
С самого детства воротит,
Как рожу иную увижу.

Подобострастную рожу
С улыбкой: чего изволите?
Так бы и влез вам под кожу:
Лаской его обмусолите?

Карьеры особой нету,
(В сравнении с той, что могла быть) —
Отсюда: в картах валеты.
Но ими я смело могу крыть

И королей, и тузов всех
(Будь он хоть ими пронизан) —
Козырем, в гриву и хвост тех,
Что спрятаны у жополиза.

«Кто знает, что такое кровь?»

Кто знает, что такое кровь?
Субстанция, энергия, иное?
Вот неаполитанцы вновь
Зрят что ни год явление святое:

Коль городу судьбою жить
Дано, кровь Януария в сосуде
Вновь закипит, – знать, с прошлым нить
Крепка. Неаполь жив! Ликуйте люди!

Сосуд безмолвен – жди беды!
Вулкана взрыв, чума, война, холера.
И никакой не хватит мзды,
Задобрить чтоб богов, ни слёз, ни веры.

Что ж там в крови? Какой секрет?
Чем так целебна кровь на плащанице?
Дано познать ответ иль нет?
Чтоб знать, придётся ль кровью расплатиться?

Несчастный, жалкий человек.
Не хочет верить заповедям божьим.
Он ищет факты и вовек
Всем чудесам ответ найти не сможет.

«Голубые иголки у ёлочки...»

Голубые иголки у ёлочки,
Голубое небо над нею.
Я поглажу лошадку по чёлочке.
Грудью воздух вдохну полнее

Деревенский – ядрёный, без примеси
Городского смога с осадком.
Эх, лошадка моя, унеси меня
В чисто поле с запахом сладким!

Отдохнём мы с тобою по-царски там:
Средь цветов и травы высокой.
Растянусь на земле (ведь не в марком я),
Там еды тебе, черноокой...

Бытия сущность здесь постигается,
А не в спорах, где двери, стены.
Одуванчики, глянь, обсыпаются...
Время ужинать. Но! Успеем.

«Кто управляет нами так жёстко и неумолимо?»

Кто управляет нами так жёстко и неумолимо?
Кучка каких-нибудь челов богатых, непобедимых?

Сталкивают нас лоб — в — лоб, глупых людей и государства,
Прячутся сами в недосягаемых (подземных?) царствах.

Готовят планету — наш общий дом — к самоочищению,
А нас всех — глупых смертных простых — к самоуничтожению.

Выгодны им невежество наше, пьянство, ругань, войны.
Не должно остаться больше полмиллиарда «достойных».

Вы не верите в заговор нового миропорядка?
Окститесь!
Балуйте дальше сказками глупыми, водочкой сладкой.
Проснитесь.

«Купальская ночь завораживает...»

Купальская ночь завораживает.
Купальская ночь обещает
Исправить плохое всё – нажитое,
Грехи сжечь от края до края.

Легенда о свадьбе языческой
Богов (буйство звуков и красок),
О тяге друг к другу физической.
Мистичность и песен и плясок.

Прекрасного лета зенит почти,
И папоротник расцветает.
Кострище чарует, манит, гляди:
Там тленность бессмертье встречает!

Кружат хороводы русалочки...
Вот если дотронусь – поймаю!
Не ведает тело усталости...
Купальская ночь золотая...

«Люби и не сопротивляйся...»

Люби и не сопротивляйся
Податливости, доброте.
Бредовой ересью не майся:
Равна де грубость правоте.

В том доблесть истого мужчины,
Чтоб женщине, любя, служить.
Не будет ею он покинут,
От рыцаря нельзя блудить, —

Стократ воздаст в ответ любовью,
Поддержит в бедности, в беде,
Создаст достойное гнездовье,
Подарит правильных детей.

«Любовь – это, когда срывает крышу?»

Любовь – это, когда срывает крышу?
Когда озноб по коже и дрожат слова,
И в ритме чардаша сердечко дышит,
Волнуясь не поспеть за скрипкой? Голова

Пуста, нутро же вот-вот разорвётся!
И наплевать на то, что говорят вокруг,
Что чувств ответных пламя не займётся.
И знаешь радость странную от боли мук.

Но кажется, такой любви всё меньше.
Век прагматизма не плодит подобных чувств.
И юноша не в моде побледневший,
И девушка, что потеряла к деньгам вкус.

«Любовь иль страсть была... Не знаю...»

Любовь иль страсть была... Не знаю.
Как говорится, занесло.
Ходила я с тобой по краю.
По краю лезвия. Прошло

Уж с той поры времён немало
А в сердце нет-нет да всплывёт
Глаз шоколад. Их, вроде, знала.
И чувственный, его любила, рот.

А мелочный характер злобный
Раскрылся позже. И тогда
Пожару всё было подобно,
Любовь в костре – огню еда.

Но отболели, к счастью, раны.
Любовь и жизнь – другой виток.
Как ты живёшь, герой обманной?
«Страдаю», – слышен шепоток...

«Маленькие, злые люди...»

Маленькие, злые люди
(Маленькие не по форме, а по сути),
Выступая в роли судий,
Не прощают монументальности – нуте!

Зачем нужны гении, а?!
Чтобы раздражать нас остальных – нормальных,
Так ведь получается, да?
Но на всех не хватает рамок формальных.

И противоборство живёт.
И прогресс не подвластен смехотворности.
Величие к ногтю прижмёт
Всегда тлю, боящуюся мажорности.

Да здравствуют великие!
Пусть не боятся осуждения пешек!
Да молчат безъязыкие, —
Аффект против вящих всегда безуспешен!

Коррида

Дикие, с кровью глаза матадора.
В гневе наивные зверя глаза.
Кто здесь в сражении боле матёрый,
Кто даст другому себя растерзать?

Амфитеатр забиячит: «Оле!» И
В позе, рисуясь, застыл матадор.
Бык, повинясь ему (не себе),
Самца проявляет могучий напор.

Действо в разгаре. Беснуется зритель.
Клоун с красивой осанкою горд,
Мнит, что он судеб вселенских вершитель:
Сын поломойки – арены вдруг лорд!

Шпаги удар – и враг лютый повержен.
Кровь, и в экстазе зашёлся народ...
Тысячелетьями ценности те же:
С радостью видеть, как там, на манеже
В судорогах бык несчастный помрёт.

«Мне не хочется пить вино...»

Мне не хочется пить вино,
Равнодушна к кальяну я.
Мне бы просто побыть с тобой.
Любоваться игрой огня.

Он могучий, древний, как мир.
Да, пожалуй, древней миров...
Наши чувства – сплошной амфир,
Повторенье античных снов.

Что-то новое есть на Земле?!
Опостылела так спираль!
В этой вечной развития мгле
Повторяется всё. Как жаль...

Я плесну из бокала в камин.
Он сердито так зашипит.
Ты покрепче меня обними.
Просто взгляд, и тот защитит.

Моей бедной Родине Украине

Ох, бедная ты моя, бедная.
Что ж так не везёт красавице?
Слишком уж ты плодородная.
Слишком уж многим ты нравишься.

Сыны, вроде, все башковитые, —
Дерутся, ан, и кусаются!
Слишком уж ты плодovitая...
Увидят – сразу влюбляются.

С тобой под венец встать – немерено
Желающих и мечтающих.
Да вера к ним всем утеряна —
Хотящим и намекающим.

Один, вроде, был весьма доблестный,
Да так прихватил – не вырваться!
Землицы твоей удобренной
Забрал себе, чтоб расшириться.

Ох, наступит ли день твой праведный?
Наступит! Знаю доподлинно!
Судьбинушки шлях исправленный
Средь лучших вижу отобранным.

И пусть все умолкнут соседуски —
Все те, что сострадающие,
Родные по маме, по дедушке,
Урвать что-нибудь мечтающие.

Не зря родилась ты красавицей,
А значит – Богом отмеченной.
Пусть счастья тебе прибавится!
Родной моей. Изувеченной.

Мольберт для воспоминаний

Воспоминания вялыми листьями
Некогда милых весенних времён
Падают, падают тяжкими мыслями...
Краски мешаю нежными кистями,
Силясь портрет написать его:
Снами, раздумьями, памятью, письмами...
Был или не был?
Он иль не он?

Может, был лучше? Может быть, краше?
Или подлее, трусливее был?
Храбр и надёжен, смел и бесстрашен,
Верен и предан, добр, бесшабашен...
Хитрый, отчаянный, в меру бессовестный...
Непредсказуем, порой даже страшен...
Может, смеялся?
Может, любил?

Ну, а потом закружило, завяло,
Чётко прорезался правды изгиб
Льдами. Морозом, снегами ли белыми,
Тонкой пургой заплетала. Иль нервами?
Лишь бы оставить, лишь бы быть вместе...
Мазала краской, лепила, – всё делала...
Мимо промчался ли?
Намертво ль сшиб?

И не опомниться – всё не при памяти.
В смерть заколдована – объятья злы.
Плакала, рвалась, кромсала кусками я
Всё, что ни под руку – верное знаменье
Выздоровления скорого. Едкий дымок
Чувств безнадежных жаркого пламени —
Твёрдый финал
Безумству любви.

Море

Море с золотыми переливами,
Вотканными в сине-голубую гладь,
Волнами ритмично (с перерывами)
Неустанно продолжает звать

Вдаль, где горизонт соприкасается
С небом (воздухом, эфиром, пустотой) —
Что это? Как это называется?
Так тревожит, тянет и с тоской

С берега влечёт, как чайку белую.
С криком взять бы разбежаться и взлететь!
Так когда-нибудь, наверно, сделаю.
Без раздумий: а смогу ли долететь?

«Мы простились, расставаясь...»

Мы простились, расставаясь
Не на день, а на всю жизнь.
Как всегда: я – боевая,
Злющие глаза твои.

Через час уже, не больше,
Пожалели обо всём.
Первым ты звонишь – иссохшим
Без меня стал родником.

Я ждала и всё глядела:
Зазвонит ли телефон?
Вновь в любви сплелись два тела —
Ближний день определён.

Так играли мы годами,
Но однажды вышел срок —
Злобы старыми долгами,
Что копились, нам урок

Преподасть решила доля,
Разлучивши нас всерьёз.
Мы с судьбою не боролись —
Как бороться против звёзд?

Что сегодня – передышка?
Или это навсегда?
Если не любовь – страстишка —
Всё забудем без труда.

«Насвистывал нам песни соловей...»

Насвистывал нам песни соловей,
Акации в саду благоухали...
Я выдумать бы что-то посвежей
И рада, да в самом страстей финале

Сведётся всё к цветам и соловьям.
Влюблённые веками не умеют
Ходить по новым, свежим колеям,
Не делаются с опытом мудрее.

Так и у нас. Пролог был неземной:
Взгляд. Вспышка. Ток. Удар. В глазах затменьё.
И небо обдало голубизной.
И каждый шорох приобрёл значенье.

Разгар любви – разгарам всем разгар!
Завидовали нам не только люди —
Мы духам также к бою дали старт —
За нас сражались, были в роли судий.

Но на Земле привычней для добра
Злу уступать. Зачем? Никто не знает.
Наскучил всем мучительный контраст:
То падаю, то к небесам взлетаю.

Страстям когда-нибудь придёт конец.
Без них же не любовь – вина подделка.
– Проходит всё, – однажды рек мудрец...
И высохнуть – судьба для речки мелкой.

«– Не дари мне кувшинки, ведь это к разлуке!»

– Не дари мне кувшинки, ведь это к разлуке!
На реке за веслом всё равно не дари! —
Вспоминаю тот день. Ты напротив, и руки
Твёрдо так правят лодкой. Вокруг розмарин

Берегами растёт и дурманит нещадно,
Мы пьяны без него: нас теченьем несёт?
Или омуты взглядов, их плен шоколадный
Отрзветь друг от друга никак не даёт?

Водяной вокруг нас сад цветов жёлто-белый.
Наклонившись, нарвал ты мне милый букет
Из кувшинок и лилий. Ох, что ты наделал?
Мы расстались, – поверила в силу примет...

Некоторым друзьям

Старые друзья...
А выискать где ностальгию
Для дружбы той, хрестоматийной?
Давно не братство, а приязнь.

– Что, успешен стал?
Мы не завистники, но всё же...
Стихи, картины тоже можем...
Имеется потенциал!

Дело не в тебе!
Твои таланты раздражали —
Убогость нашу обнажали,
Не любят выскочек нигде!

Лучше, чтоб не знал
Нас ты, а мы давно забыли
Твой гений и тебе простили.
Подумаешь ли – генерал! —

Вот так и живёт,
От массы общей отличимый
И лишь немногими любимый
Талант. И гордость бережёт.

«О, Господи! Ну, научи меня...»

О, Господи! Ну, научи меня
Не быть ни злой, ни равнодушной, ни ревнивой.
Стараюсь я, но не проходит дня,
Чтоб не возник в душе вопрос разноречивый:

Опять рой мыслей злых над добрыми
Взял верх? Моя ли в том вина, иль обстоятельств?
Жестокие сомненья – кобрами.
Гордыня совести не терпит посягательств.

О старом по-новому

Обо всём написано —
новых тем так мало!
Разбираешь мысленно
Новостей завалы

И приходишь к выводу:
Жизнь однообразна.
Что бы ни привиделось,
Как бы ни бессвязным

Всё казалось поперву —
Основные ценности
Неизменны отроду
Встарь и в современности:

Честность, воля, искренность,
Доброта, достоинство —
Небольшая численность,
Значимое воинство.

Образ жизни

Красивый стул. Красивый стол.
Красивые окно и двери.
Комфортно здесь. Пришёл – ушёл,
Но в чём-то, всё же, не уверен:

Нет в доме женского тепла,
Здесь не кричат, не суетятся.
Что б женщина полы мела,
Но и умела испаряться, —

Хотел бы ты. И я под стать:
Не нужно лишней нам обузы.
Мы знаем то, что любим знать
И недоверчивы к союзам.

Мы в одиночестве царим
И волком от тоски не воем.
Комфортно жить с собой самим,
Не отягчённым быть средою.

Но я когда-нибудь ворвусь
К тебе и всё переиначу.
Ты хочешь сам. Свершится пусть!
Чуть-чуть труда, и мир богаче!

Образы

В детстве и в радостной юности
Как подражали мы образам!
Как привлекали нас трудности!
Как отрицали гипотезы:

Верили книжным героям мы
С той абсолютностью детскою,
Как признают дорогое им
Люди в эпоху советскую.

Дарья, Григорий с Аксиньей.
Демон и Прохор с Анфисой.
Небо безоблачно синее!
Даль впереди только чистая!

Как- то не схожа с реальностью
Книжная правда. Обыденность
Часто не дружит с моральностью.
Жизнь, как она непредвиденна!

Но из бывшего по-прежнему
Песни и фильмы к нам тянутся:
Ночью по тракту бесснежному —
След Виринеи – изгнанницы.

Одиночество

Где есть свет? Что есть зло?
Где добру уголок
И озябшим тепло —
Подсказать кто бы мог?

Где обиженным мир?
Где голодного пай?
Накупивши просвир,
Не попасть с ними в рай.

По дорогам в грязи
Долго шёл бы и шёл...
Лишь бы свет впереди,
Лишь бы счастье нашёл!

Лишь бы кто-то один
(Много их ни к чему)
Впереди вбил бы клин —
Привязаться б к нему!

Вместе легче идти,
Разгоняя печаль...
Только кто-то внутри
Тихо шепчет: «Как жаль,

Что нельзя в мир иной
По той лямке вдвоём!
Ты заплачь ли, запой
О несчастье своём —

Знает всё один Бог,
Потому и твердит:
Был ты добр, или плох, —
Это Он там решит.

И войти чтоб к Нему
В ожиданьи Суда,
Нужно быть одному,
А вдвоём — никогда...»

«Опустился вечер на горы...»

Опустился вечер на горы.
Медленно, тучами оседая...
Просыпаться стал буйством город:
Осветилась стена крепостная

Миллионом огней ярчайших

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.